

12

На правах рукописи

Ларионов Алексей Эдиславович

2

**МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – XVI вв.
В ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ РОССИИ
СЕРЕДИНЫ – ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX вв.**

*(по трудам архиепископа Филарета (Гумилевского)
и митрополита Макария (Булгакова)*

Специальность 07.00.09. - историография

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

003 159965

Москва 2007

Работа выполнена на кафедре истории и политологии ГОУВПО
«Московский государственный университет сервиса»

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
заведующий кафедрой культурологии
ГОУВПО «Московский государственный
университет сервиса»
Реснянский Сергей Иванович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
кафедры истории России Российского
университета дружбы народов
Гребениченко Сергей Фёдорович

доктор исторических наук, доцент
Российского государственного архива
социально-политической истории
Репников Александр Витальевич

Ведущая организация: **ИППК МГУ им. М. В. Ломоносова**

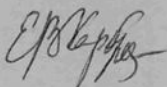
Защита состоится «26» октября 2007 года в часов на заседании
Диссертационного совета Д.212.203.03 в Российском государственном
университете дружбы народов по адресу: 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая,
д.10-А, ауд. 415.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Российского
государственного университета дружбы народов по адресу: 117198, Москва,
ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

Автореферат разослан «26» сентября 2007г.

Учёный секретарь Диссертационного совета

кандидат исторических наук, доцент

Е. Б. Кряжева-Карцева

Общая характеристика работы.

Настоящая работа представляет собой исследование российской церковной историографии XIX в в одной из наиболее репрезентативных ее частей – исторических трудах архиепископа Филарета (Гумилевского) и митрополита Макария (Булгакова) При этом историографическому анализу подвергается одна из наиболее и актуальных и интересных в трудах обоих церковных историков проблем, а именно – особенности описания ими межконфессиональных отношений в истории Русской Православной Церкви в период с X по XVI вв в сравнительно-аналитическом ракурсе

Актуальность и цели работы.

Приступая к исследованию заявленной в названии темы, автор настоящего диссертационного исследования учитывал несколько моментов, придающих его исследовательским усилиям достаточную научную актуальность и значимость В числе таковых могут быть названы следующие факторы

во-первых, это бесспорное возрастание общественного интереса к Православной Церкви (также и к другим религиям), которое нельзя игнорировать в ходе гуманитарных исследований применительно как к настоящему, так и к прошлому В различных социальных группах наблюдается отчётливый рост внимания к настоящему и прошлому христианской Церкви – в мире вообще и в России – в частности Правомерно говорить о формировании отнюдь неконъюнктурного повышенного «спроса» на сведения по истории Церкви В таком случае задачей исторической науки (и изысканий в области историографии) предоставить соответствующее «предложение», дать адекватный и профессиональный «ответ» на этот «вызов»,

во-вторых, кроме отмеченного выше интереса к прошлому и настоящему Православной Церкви и ее роли в современной России, следует отметить безусловное возрастание значения межконфессиональных отношений в плане общих перспектив как России, так и мира – недавние столкновения на религиозной почве в ряде стран тому подтверждение Значит ли это, что мир

обречён следовать по пути «столкновения цивилизаций», а единственным противоядием от этого является лишь глобализация и создание мирового правительства? Или же есть иные, менее болезненные для всех заинтересованных сторон варианты, гарантирующие им сохранение собственной конфессионально-цивилизационной идентичности? Возможно, что изучение давнего опыта межконфессиональных отношений в трактовке русских церковных историков сможет помочь в поисках ответов на эти вопросы,

в-третьих, современная ситуация в исторической науке характеризуется не дефицитом, а, напротив, переизбытком информации, накопленной за столетия в разнообразных исследованиях, что ведет к невозможности охватить и использовать ее без должной систематизации. Именно эту проблему в состоянии решить историографические исследования. Это в полной мере относится и к церковной историографии, ознакомление с которой и, тем более, использование ее научных достижений едва ли возможны в полной мере без специализированных исследований, которые бы могли выявить её особенности, достоинства и недостатки в сравнении с другими отделами отечественной исторической науки. Таким образом, третьим фактором, обусловившим актуальность настоящей диссертации, является наличие значительного массива необобщенных и непроанализированных в должной степени трудов церковных историков, что создаёт определенный пробел, заполнению которого хотя бы частично может помочь данное диссертационное исследование.

Степень разработанности темы в научной литературе.

Российская церковная историография, будучи с середины XIX столетия неотъемлемой и полноправной частью отечественной исторической науки, конечно же, попадала в поле зрения исследователей, становясь объектом историографического анализа наравне с трудами светских историков. Однако то внимание, которое ей уделялось, нельзя считать ни избыточным, ни даже – достаточным. Изучая дореволюционную литературу по данной проблеме, мы не найдем ни одного крупного исследования, которое было бы специально

посвящено русской церковной историографии как особой самостоятельной отрасли исторической мысли в России

Наиболее существенной попыткой целостного аналитического обзора развития церковно-исторической науки в России является весьма краткий очерк А. П. Лебедева «Несколько сведений, замечаний и наблюдений касательно хода развития церковно-исторической науки у нас в России», помещенный в качестве раздела в его труд «Церковная историография в главных ее представителях с IV до XXвв»¹ Однако, даже в этом очерке российская церковная историография освещена неполно и достаточно поверхностно. Фундаментальные исторические труды архиеп. Филарета (Гумилевского) и митр. Макария (Булгакова) Лебедевым не рассматриваются.

Аналогичная ситуация наблюдается и в других случаях, когда историки исторической науки обращают свое внимание на церковную историографию. Так, М. О. Коялович в своем труде «История русского самосознания», изданном в конце позапрошлого столетия, упоминая труд Макария (Булгакова) «История Русской Церкви», уделяет ему лишь две страницы и оценивает более чем поверхностно как компиляторский и лишенный сколько-нибудь ярких характерных особенностей².

Мимолетного упоминания удостоилась русская церковная историография в обзорном труде Г. В. Вернадского «Русская историография»³, которое не позволяет составить сколько-нибудь полное представление об её особенностях, достоинствах и недостатках. Биографические работы, посвященные церковным иерархам-историкам, сосредотачивают основное внимание на подробностях их святительского пути, пастырской и богословской деятельности, во вторую очередь, уделяя небольшую степень внимания церковно-историческим усилиям. Примерами такого подхода служат работы И. С. Листовского⁴ и

¹ Лебедев А. П. Церковная историография в главных ее представителях с IV до XXвв. СПб., 2000. С. 396 – 420.

² Коялович М. О. История русского самосознания. Минск, 1997. С. 544 – 545.

³ Вернадский Г. В. Русская историография. М., 1998. С. 356 – 360.

⁴ Листовский И. С. Филарет архиепископ Черниговский. Чернигов, 1895. С. 359 – 360.

протоиерея Феодора Титова⁵, посвященные Филарету и Макарию соответственно

Краткая характеристика русской церковной историографии и, в том числе, архиеп Филарета и митр Макария, содержится в книге профессора-эмигранта Н Н Глубоковского «Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии»⁶ Еще одним образцом эмигрантских исследований в сфере церковной историографии являются упоминания обзорного характера в работе Г В Флоровского «Пути русского богословия»⁷ и краткий очерк С Г Пушкарева «Историография Русской Православной Церкви»⁸ Также упоминания о развитии церковной историографии в России содержатся в работе Н А Тальберга «История Русской Церкви»⁹

Кроме того, некоторые сведения об особенностях исторических взглядов Филарета (Гумилевского) и Макария (Булгакова) можно почерпнуть в некоторых из журнальных публикаций в церковной периодике советского и постсоветского периода. Такого рода работы помещаются, как правило, в «Журнале Московской Патриархии»¹⁰ и затрагивают те или иные частные вопросы

В любом случае, анализируя общую ситуацию с изучением церковной историографии, можно отметить, что как самостоятельное научное явление она остается недостаточно изученной вплоть до настоящего времени. Уже имеющиеся работы можно разделить на две категории: это либо отдельные упоминания обобщенного характера, либо – публикации, посвященные личностям церковных историков с минимальным вниманием к их историческим трудам. Поэтому, вполне закономерно, что и важнейшие грани русской церковной историографии, ключевые проблемы, которым уделялось внимание на страницах церковно-исторических работ, также исследованы

⁵ Титов Ф. И. Московский митрополит Макарий (Булгаков). Тома 1, 2, 3. Киев, 1895 – 1903

⁶ Глубоковский Н. Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии и в новейшем состоянии. М., 2002. С. 71 – 88

⁷ Флоровский Г. В. Пути русского богословия. Киев, 1991. С. 364 – 366

⁸ Пушкарев С. Г. Историография Русской Православной Церкви // ЖМП. 1998. №5. С. 67 – 79, №6. С. 46 – 61

⁹ Тальберг Н. А. История Русской Церкви. М., 1999

¹⁰ См. например, ЖМП. 1998. №5, 2002. №12

весьма слабо Справедливость такой оценки подтверждается в статье коллектива авторов «Обзор литературы по истории Русской Церкви», помещенной в «Историческом вестнике» №1/2001г

Все это позволяет сделать вывод о *научной новизне* настоящего диссертационного исследования, заключающейся в освещении вопросов, которые ранее не рассматривались в качестве самостоятельных объектов научного анализа, но имеющие бесспорную значимость для развития отечественной исторической и историографической науки

Учитывая тот факт, что ранее исторические воззрения ведущих церковных историков на историю межконфессиональных отношений не получили сколько-нибудь обстоятельного освещения, равно как, на их примере не анализировались серьезно проблемы методологии и концептуальных подходов в церковной историографии, можно считать, что научная новизна диссертации не вызывает сомнений

Источниковая база исследования включает в себя несколько групп источников Первой и наиболее важной из них являются исторические труды Архиепископа Филарета (Гумилевского) и Митрополита Макария (Булгакова), носящие одинаковое название – «История Русской Церкви»¹¹ Здесь необходимо оговориться, что списки исторических работ обоих авторов за десятилетия научной деятельности весьма обширны, включая в себя несколько десятков наименований у каждого из историков Однако, в процессе работы над диссертацией удалось выявить одну немаловажную особенность за исключением небольшого количества работ по церковной археологии, все остальные статьи и исследования Филарета и Макария на историческую тему впоследствии были включены в их главные исторические труды без сколько-нибудь существенных изменений Поэтому представляется вполне оправданным сконцентрировать внимание именно на анализе этих трудов, как наиболее полно отражающих исторические взгляды церковных историков, из

¹¹ Архиепископ Филарет (Гумилевский) История Русской Церкви М 2001
Митрополит Макарий (Булгаков) История Русской Церкви Тт I – VII М 1994 – 1996

чего можно сделать вывод, что они приступили к их созданию, уже имея определённые исторические концепции, не претерпевшие в дальнейшем принципиальных метаморфоз.

Ко второй группе источников относятся воспоминания современников о Филарете (Гумилевском) и Макарии (Булгакове), представляющие собой не отдельные самостоятельные издания, посвященные этим церковным иерархам, а более или менее пространные характеристики их личных качеств и научных трудов в мемуарах, либо в статьи мемуарного характера, помещенные в тех или иных периодических изданиях или в юбилейных сборниках. К этой же группе можно отнести печатные издания дневниковых записей, где также содержатся непосредственные впечатления современников о церковных историках. Одним из наиболее значимых изданий в данной группе источников являются воспоминания Н. П. Гилярова-Платонова «Из пережитого»,¹² где он приводит собственные впечатления о характере научной деятельности митр. Макария (Булгакова). Не меньшее значение имеют и «Воспоминания» Е. Е. Голубинского, изданные в 1923 г. в Костроме, где содержатся сведения о митр. Макарии и оценка его исторических трудов.¹³ Отрывочные воспоминания об архиеп. Филарете мы можем обнаружить в юбилейном издании «У Троицы в Академии 1814 - 1914», посвященном столетию пребывания МДА в стенах Троице-Сергиевой лавры и содержащем в себе воспоминания бывших воспитанников Академии о своей учёбе в ней.¹⁴ Также ряд ценных сведений о научных трудах Филарета (Гумилевского) мы обнаруживаем в «Дневниках» А. В. Горского.¹⁵

Третью группу источников составляют эпистолярные источники. Большой интерес представляют «Письма архиепископа Филарета (Гумилевского) к А. В. Горскому»¹⁶, в которых один церковный историк высказывает другому (своему бывшему ученику) свои соображения

¹² Гиляров-Платонов Н. П. Из пережитого. М., 1886. С. 290.

¹³ Голубинский Е. Е. Воспоминания. Кострома, 1923.

¹⁴ У Троицы в Академии 1814 – 1914. Юбилейный сборник исторических материалов // Издание бывших воспитанников МДА. Сергиев Посад, 1914.

¹⁵ Горский А. В. Дневники. М., 1885.

¹⁶ Письма архиепископа Филарета (Гумилевского) к А. В. Горскому. М., 1885.

относительно изучения русской церковной истории. До настоящего времени не опубликована переписка Е. Е. Голубинского с митром Макарием (Булаковым), хранящаяся в Отделе рукописей РГБ и также использованная при написании настоящей диссертации¹⁷

Наконец, к четвертой группе источников следует отнести исторические труды некоторых светских представителей исторической науки, являвшихся современниками архиепископа Филарета (Гумилевского) и митрополита Макария (Булгакова), в том числе С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, Е. Е. Голубинского. Они позволяют составить более полное представление о собственно церковной историографии середины – второй половины XIX в. благодаря реконструкции контекстной ситуации в области отечественной исторической науки рассматриваемого периода.

Цель диссертации отражена в ее названии. Для достижения цели в диссертационном исследовании решаются следующие задачи:

1) изучение и анализ взглядов главных представителей православной церковно-исторической науки на развитие межконфессиональных отношений в допетровской России,

2) анализ методологии, концепций, научных аргументов в трудах церковных историков XIX в. ,

3) содействие освоению научного наследия путем развития историографических исследований и более широкому ознакомлению интересующихся лиц с малоисследованным пластом отечественной исторической мысли.

Методология работы.

В основу методологии настоящего исследования положен принцип многофакторного подхода, подразумевающий максимально широкий спектр методов, применяемых в отечественной исторической науке, а равно и методов смежных гуманитарных наук.

¹⁷ ОР РГБ Ф 541 К 13 Д 8 Л 1 - 15

В процессе работы над темой диссертации важную роль играли принципы историзма, объективности и стремления к системному и комплексному исследованию

Объектом исследования являются исторические труды архиепископа Филарета (Гумилевского) и митрополита Макария (Булгакова)

Предмет исследования – русская церковная историография середины – второй половины XIX в

Практическая значимость диссертации заключается в следующих моментах

1) возможность использования работы в качестве вспомогательного учебного пособия студентами исторических и культурологических специальностей,

2) привлечение проанализированного в работе историографического материала в качестве обобщающей информационно-библиографической базы при дальнейших академических исследованиях цивилизационных и конфессиональных проблем истории России.

3) вероятность применения материалов диссертации в прикладных исследованиях современной религиозной ситуации в России для более глубокого и всестороннего понимания генезиса и эволюции ряда современных межконфессиональных проблем с целью выработки наиболее приемлемых практических решений

Апробация работы. Проблемы и положения диссертации отражены в статьях опубликованных в ряде научных сборников, в т ч, рекомендованных ВАК Диссертация прошла обсуждение на заседании кафедры «История» Московского государственного университета сервиса и рекомендована к защите

Структура диссертации основывается на проблемно-хронологическом принципе и определяется ее целями, методологией и принятым способом

исследования Диссертация состоит из введения, двух глав, разделенных на параграфы, заключения и списка литературы

Основное содержание диссертации.

Во *«Введении»* обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, формулируются и раскрываются его цель и задачи, осуществляется обзор и анализ использованных источников и литературы, определяется круг методов работы, а также возможная практическая значимость диссертации

Первая глава реферируемой диссертации озаглавлена «Генезис церковной историографии в России в XIX в», она посвящена рассмотрению основных этапов формирования церковно-исторической науки в нашей стране как учебной и академической дисциплины При этом автор не ограничивается одним лишь описанием фактов развития церковной историографии, но анализирует их в тесной взаимосвязи с состоянием общественной и научной среды в России Ключевым авторским тезисом является в данном случае утверждение о прямой зависимости существования той или иной научной дисциплины от наличия в обществе соответствующих потребностей и объективных условий, благоприятствующих ее возникновению и развитию

В отношении церковной историографии такими объективными предпосылками для ее возникновения и последующего успешного развития оказались общий ход культурного развития России после петровских реформ, обусловивший прогресс светского образования, а также необходимость повышения образовательного уровня духовенства для успешной катехизаторской деятельности и противостояния чужеродным духовным влияниям

Но одной этой потребности было бы недостаточно – ведь разговоры о необходимости повышения образовательного уровня священнослужителей велись с 16-17-го вв, но без сколько-нибудь заметных общественных и научных результатов Поэтому мы с неизбежностью должны обратить

внимание на вторую предпосылку благодаря уже отмеченным переменам в сознании русского образованного слоя, равно как и просветительской верховной власти, на протяжении 18-го века в России шло успешное складывание полноценной академической науки, в том числе и исторической. Она стала той благоприятствующей средой, в которой только и могла возникнуть позднее церковная историография. Светская историография предоставила в распоряжение русских церковных историков обширный фактографический материал и опыт систематизации источников. Из этого следует парадоксальный, но вполне обоснованный вывод в своих истоках *церковная историография* в России есть порождение секуляризационных сдвигов в русском общественном сознании.

Субъективными предпосылками следует считать действия конкретных исторических деятелей, монархов и церковных иерархов, способствовавших становлению церковно-исторической науки в России с конца XVIII столетия. В таком наукообразном ключе рассматриваются усилия Екатерины II, Павла I, М. М. Сперанского, Д. А. Толстого¹⁸, приложивших немало усилий для внедрения в учебные курсы семинарий и духовных академий церковной истории и, тем самым, способствовавших развитию научных исследований в этой сфере.

Наконец, в целях создания целостного представления о возникновении церковной историографии в России, автором в хронологической последовательности, хотя и по необходимости сжато, описываются и анализируются научные усилия в области церковно-исторических исследований тех священнослужителей, которые традиционно признаются первопроходцами в изучении церковной истории в России :

В 1805г. вышли сразу два исторических труда, которые можно считать краеугольными камнями всего здания отечественной церковной историографии: митрополит Московский Платон (Левшин) издал свою двухтомную «Краткую церковную российскую историю» (переиздана в 1817г.),

¹⁸ Лебедев А. П. Указ соч. с. 398, 400, 403, 415.

а Тверской архиепископ Мефодий (Смирнов) также в Москве опубликовал на латинском языке «Свободную историю христианской Церкви»¹⁹ При этом, со ссылками на критические замечания авторов позапрошлого столетия, указываются основные недостатки этих первых опытов отечественной церковной историографии, к которым отнесены преобладания компиляции над авторским изложением, почти полное отсутствие анализа, интерпретаций, критики источников и незаконченность сочинения Мефодия (Смирнова) и отсутствие в нем строгой системы изложения исторического материала Вместе с тем, автор не склонен полностью разделять те уничижительные оценки, которые дал этим трудам проф. А. П. Лебедев, поскольку, по моему мнению, огрехи и недостатки являются необходимым спутником любого научного начинания

Следующей ступенью развития церковной историографии в России стало научное творчество еще двух иерархов первой половины XIX столетия – епископа Иннокентия (Смирнова) и митрополита Евгения (Болховитинова) внесших значительный вклад в более четкое определение предмета исследований церковной историографии и предпринявших безуспешные попытки популяризации своих исторических взглядов не только в среде духовенства, но в русском обществе в целом Особенно это касается митрополита Киевского Евгения (Болховитинова), публикации трудов которого привлекали к себе внимание достаточно широких кругов читающей публики Таким образом, вклад двух упомянутых исследователей в становление церковно-исторической науки в России заключался в целенаправленных шагах по определению сферы ее компетенции и по закреплению общественного статуса как самостоятельной отрасли отечественной исторической науки

Продолжая краткую характеристику основоположников церковной историографии в хронологическом порядке, автор затрагивает такие крупные фигуры, как протоиерей Александр Васильевич Горский и его современник Порфирий (Успенский), чья пастырская и научная деятельность приходится,

¹⁹ Там же с 401

главным образом, на середину девятнадцатого века. Характерной особенностью их исторического творчества являлось успешное совмещение педагогической и собственно исследовательской деятельности. При этом оба автора не создали объемных трудов по русской или мировой церковной истории, что, однако же, нимало не умаляет их значения в развитии русской церковной историографии. Основными заслугами необходимо признать, во-первых, успешную методологическую разработку предмета, во-вторых, введение в научный оборот широкого круга письменных и археологических источников, что неизбежно должно было облегчить труд последующих исследователей и, наконец, в-третьих, дальнейшие шаги в направлении популяризации церковно-исторической науки через широкую лекторскую и публицистическую деятельность. Последнее обстоятельство немаловажно благодаря ему церковная историография избегала опасности остаться узкой сферой для специалистов, почти неизвестной широким читательским кругам. Лекции А. В. Горского удачно сочетали в себе образный и яркий стиль изложения с академизмом в освещении предмета исследования.²⁰ В той или иной степени это сочетание было присуще и остальным представителям российской церковной историографии, включая тех авторов, которых можно смело назвать её классиками и рассмотрению чьего научного творчества посвящена большая часть настоящего диссертационного исследования – архиепископа Филарета (Гумилевского) и митрополита Макария (Булгакова). Их историческими трудами завершилось становление церковной историографии в России, превратившейся в течение второй половины XIX в. в полноценное научное направление, обладающее своим предметом исследования, специфическим кругом источников, оригинальными гносеологическим и методологическим аппаратом, кругом историософских идей и достаточно обширным корпусом научных трудов.

Жизненный и творческий путь архиепископа Филарета и митрополита Макария рассматривается автором диссертации достаточно подробно в §2

²⁰ Архимандрит Геннадий (Гоголев). Великан учёности. Жизнь и труды протоиерея А. В. Горского. М., 2004.

главы 1 Это было необходимо для того, чтобы наилучшим и наиболее адекватным образом проанализировать исторические взгляды обоих церковных историков, что представляется затруднительным без ясного представления об обстоятельствах их жизни и тех внешних условий, в которых протекала их научная деятельность

Рассматривая основные вехи жизненного пути Филарета и Макария, автор как на характерные особенности указывает, во-первых, на то обстоятельство, они были современниками – первый из историков был старше второго всего лишь на десять лет Таким образом, их становление как пастырей и церковных историков осуществлялось в идентичных исторических, общественных, церковно-политических и научных обстоятельствах

Любопытен также и тот факт, что церковная карьера обоих иерархов начиналась в сходных условиях, а именно – они происходили из небогатых и незнатных семей, т е их первоначальные шансы достичь тех высоких ступеней, каких они в реальности достигли, были весьма невелики Но именно то, что это всё-таки произошло, свидетельствует о выдающихся способностях рассматриваемых фигурантов Вместе с тем, данное обстоятельство свидетельствует и о более демократической обстановке в среде церковной иерархии по сравнению с государственными структурами Российской империи, в рамках которых со второй четверти XIX века оставалось гораздо меньше возможностей для продвижения наверх выходцев с нижних этажей социальной пирамиды

Существенным представляется, что интерес к научным занятиям церковной историей проявился у Филарета достаточно рано – еще в период обучения в Тамбовской духовной семинарии и в полной мере реализовался во время обучения в МДА, так что в возрасте двадцати четырех лет (в 1830г) молодой иеромонах был назначен магистром кафедры церковной истории. читая лекции будущим священнослужителем В дальнейшем, уже в процессе своей архипастырской деятельности, Филарет (Гумилевский) неустанно расширял и углублял свои познания в сфере церковной истории, что и дало ему,

в конечном итоге, возможность, перейти от публикации статей и исторических работ по частным вопросам к созданию целостного труда по истории Русской Православной Церкви от момента ее возникновения до начала XIX века Эта работа заняла у Филарета двадцать лет его жизни – от выхода в свет первого тома в 1846г и вплоть до смерти историка в 1866г Благодаря многолетнему систематическому труду архиепископу Филарету удалось завершить свой первоначальный замысел, благодаря чему русская историческая наука обогатилась не просто одним из ряда исследований на одну тему, но *первым* научно выверенным и завершенным трудом по отечественной церковной истории, снабженным, к тому же, богатым библиографическим и источниковедческим аппаратом

Однако же, у исторического труда Филарета, наряду с несомненными достоинствами, имелись и определенные недостатки, послужившие, до определенной степени, стимулом к новым опытам создания русской церковной истории Во всяком случае, продолжатель (в научном плане) дела Филарета митр Макарий объяснял свои научные изыскания, не в последнюю очередь, стремлением исправить те недостатки в изложении и интерпретации исторического материала, которые, по его мнению, были присущи «Истории Русской Церкви» архиеп Филарета

Подобно своему предшественнику, Макарий (Булгаков) начал активно интересоваться церковной историей еще в молодости Первыми опытами исторических работ Макария стали опубликованные в журнале «Маяк» на протяжении 1842 – 1843 гг статьи «Пути Промысла о России в порабощении её татарами»/ т 6 за 1842г и «История Киевской Академии»/ т 10 за 1843г Таким образом, в момент начала своего пути церковного историка Макарию было 26 лет Также, как и Филарет, Макарий в своих исторических исследованиях движется индуктивным путём – от частного к общему, что выразилось в постепенном восхождении от работ по отдельным вопросам русской церковной истории к созданию своего главного исторического труда – семитомной «Истории Русской Церкви», долженствовавшей, по замыслу автора, охватить

все стороны и проблемы Российской церковной истории до середины XIX столетия включительно. Однако, в отличие от Филарета (Гумилевского) Макарию не удалось полностью воплотить этот грандиозный замысел в жизнь, поскольку смерть настигла его в 1882 г., в момент работы над седьмым томом. Исследование оказалось доведено лишь до второй трети XVII в. Можно сказать, что научной обстоятельности было принесено в жертву авторское честолюбие – вполне естественное стремление любого исследователя дожить до полного окончания и публикации главного труда своей жизни. Зато те части исторического труда Макария, которые были им завершены и изданы, впечатляют своей научной глубиной, удачно совмещаемой с ясным стилем изложения и чрезвычайно выверенными авторскими интерпретациями приводимых исторических фактов.

Уже первые тома «Истории Русской Церкви» вызвали среди светских историков оживление не меньшее, нежели ранние исторические работы Макария. Обращала на себя внимание непредвзятых критиков научная фундаментальность предложенного им суду исторического труда. Среди тех, кто дал позитивные отзывы на новое явление в сфере церковной историографии, можно назвать Н. П. Гилярова-Платонова, Н. Г. Устрялова, И. И. Срезневского и М. П. Погодина²¹. Безусловно, имелись и критические отзывы. В числе последних находился, в частности, отклик Филарета (Гумилевского). Однако общий фон критики был явно благоприятным для Макария и его исторических изысканий.

Несмотря на свою незавершенность, главный исторический труд митрополита Макария не просто стал выдающимся образцом русской церковной историографии, но и, по существу, вывел ее на качественно новый уровень. По своей фундаментальности, по объему используемых и обилию цитируемых источников, их критическому разбору, аргументированности выводов «История Русской Церкви» митр. Макария вполне может быть

²¹ Москвитянин 1848 ч. 1 Отд. 6 С. 143 – 145

уподоблена крупнейшему образцу русской светской историографии второй половины XIXв – «Истории России с древнейших времен» С М Соловьёва

Благодаря подвижническим научным трудам митрополита Макария, церковная историография окончательно приобрела статус самостоятельного научного направления Следовательно, можно сказать, что вклад двух церковных историков середины – второй половины XIXв в становление церковно-исторической науки оказался решающим Констатируя этот тезис, подтверждаемый примерами, перейдем к характеристике последующих разделов диссертационного исследования

Вторая глава настоящей диссертации намного превосходит по объему первую, занимая собой большую часть всего исследования Она разделена на четыре параграфа, что обусловлено спецификой анализа межконфессиональных отношений в трудах церковных историков, с достаточной ясностью различавших на страницах своих исследований контакты Православия с язычеством, исламом, иудаизмом, католицизмом и протестантизмом в зависимости от специфики взаимоотношений в каждом из перечисленных случаев

Оба церковных историка описывают межконфессиональные контакты в хронологической последовательности, увязывая их анализ с общей периодизацией истории Русской Церкви Этой логикой построения исследуемых научных трудов обусловлена и структура настоящей главы Её *первый параграф* посвящен анализу особенностей взаимоотношений Православия с язычеством в интерпретации церковных историков Как следует из текстов их трудов, ими различались контакты христианства с собственно славянским язычеством, с языческими верованиями литовских племен, а также с религиозными представлениями угро-финских и тюркских народов

Филарет характеризует язычество в более резких тонах, но, вместе с тем, склонен весьма оптимистически оценивать сам процесс противостояния двух конфессий, утверждая, что от столетия к столетию Православная церковь неуклонно теснила отмирающие языческие суеверия, которые все больше

теряли свое влияние²² Макарий в этом отношении более сдержан и, с опорой на исторические источники, обильно им цитируемые, говорит, что, несмотря на значительные усилия светских и церковных властей, скрытая языческая оппозиция христианству не только сохранялась спустя несколько столетий после Крещения Руси князем Владимиром Святославичем в конце Хв, но время от времени язычество ухитрялось брать частичный реванш в русском обществе, особенно в удалённых от крупных городских центров местностях²³ Сразу же заметим, что точка зрения Макария представляется нам более обоснованной по причине лучшего подкрепления материалами исторических источников

Церковные историки попытались рассмотреть все основные варианты этих отношений, когда-либо встречавшихся в истории России и РПЦ к моменту создания рассматриваемых исторических трудов При этом объем, занимаемый историческими характеристиками контактов христианства с язычеством, неодинаков Наибольшее внимание уделяется борьбе Православия со славяно-русским язычеством вплоть до XVI – XVIIвв, когда язычество среди русского народа сводилось, по мнению авторов, преимущественно к бытовым пережиткам, разного рода суевериям и нравственной распущенности, оказавшихся, тем не менее, весьма устойчивыми, несмотря на все попытки Церкви их искоренить, далее XVIIв описание православно-языческих контактов не простирается вообще Второе по значимости и объему место занимает история распространения и утверждения христианства в языческой среде угро-финских народов, входивших в состав России В качестве примера максимального неприятия христианства выступает достаточно подробно описанный конфликт с литовским язычеством в XIVв при князе Ольгерде – по сравнению с другими случаями, нашедшими свое отражение у Филарета и Макария, здесь изображена попытка уже оформившейся языческой государственности пресечь дальнейшее распространение Православия, хотя и

²² Архиепископ Филарет (Гумилевский) Указ соч С 41 – 42

²³ Митрополит Макарий (Булгаков) Указ соч Т II С 26 – 27

потерпевшая, в конечном итоге, неудачу (что выглядело совершенно закономерным в глазах церковных историков, безусловно, исповедовавших исторический провиденциализм)²⁴

Гораздо меньшее внимание авторов привлекли языческие верования монголов и сибирских этносов. Сколько-нибудь полной картины взаимоотношений Православия и язычества с этими культурами не дается, приводимые авторами исторические факты выглядят, скорее, ярким, но отдельными эпизодами, на основе которых не представляется возможным составить целостную картину по данной проблеме.

Поскольку главным объектом исторического анализа в церковной историографии является сама Церковь, то малое внимание, уделяемое церковными историками описанию и анализу языческих культов, хотя и способно вызвать нарекания позднейшего читателя, но выглядит вполне закономерным, так как они не представляли для авторов самостоятельного интереса, будучи одним из эпизодов (хотя и весьма значимым) в общем контексте церковной истории. Такое соображение должно объяснить нам, что особенность, представляющаяся недостатком в наших глазах, является, в известной мере, выражением авторской концепции, а отнюдь не свидетельством научной некомпетентности.

Определенное различие в авторских подходах мы можем констатировать в вопросе о роли конкретных деятелей во взаимоотношениях язычества и христианства. Хотя ряды персоналий у Филарета и Макария практически тождественны друг другу, однако Макарий, в сравнении со своим предшественником, уделяет гораздо большее внимание личностному фактору, всякий раз давая подробные характеристики деятелям, упоминаемым на страницах его труда. У Филарета же чаще всего вопрос о роли той или иной конкретной исторической личности начинается и заканчивается только лишь ее упоминанием в общем контексте исторического повествования, лишенным сколько-нибудь целостной (хотя бы краткой) характеристики, в связи с чем

²⁴ Архиепископ Филарет (Гумилевский) Указ соч. С. 205-207.

правомерно подчеркнуть уже упоминавшуюся выше такую особенность исторического творчества архиеп Филарета как тяготение к схематизации и объективации исторического процесса вообще и истории Церкви в частности. Поэтому я осмелюсь высказать предположение об определенной степени влияния, испытываемого русской церковной историографией со стороны гегелевской философии истории, явственно тяготеющей к рассмотрению человека в историческом процессе как *орудия* высших по отношению к нему сил, собственные волевые импульсы которого могут не иметь решающего значения.

В исторических взглядах митр Макария это влияние оказалось уже, в значительной степени, преодолено, поскольку он гораздо большее внимание уделяет именно отдельным личностям как активным творцам и участникам исторического процесса, в полной мере наделенным свободой воли. При этом, я не хочу сказать, что такой важнейший для православной антропологии и историософии принцип свободной, деятельной и ответственной воли человека всецело отвергался в историческом творчестве Филарета (Гумилевского), просто выражен он гораздо менее чётко, нежели у Макария (Булгакова). Возможно, именно это обстоятельство дало впоследствии основание митр Макарию упрекнуть архиеп Филарета в сухости изложения и схематизации исторического материала.

Нельзя оставить без внимания также и вопроса о проявлении трансцендентных факторов в истории и интерпретации церковных историков – в данном случае на историческом материале православно-языческих взаимоотношений. Вопреки возможным ожиданиям, ни Филарет, ни Макарий не злоупотребляют в своих исторических сочинениях рассказами о чудесах, которые можно было бы в изобилии почерпнуть в агиографической и апологетической литературе, по всей вероятности, справедливо полагая, что церковная история представляет собой иной жанр, нежели жития святых. Здесь уместно отметить, что более чем за тысячелетие до появления русской церковно-исторической науки, в ставших классическими образцах

ранневизантийской церковной историографии, также не наблюдается ни малейшей ажиотации вокруг чудотворений, поскольку главным предметом церковной истории является не история чудес, а история Божиего Домостроительства в человеческом обществе²⁵ Одним из немногих чудес, описываемых как исторический факт, является повествование о внезапной слепоте и последующем прозрении князя Владимира, несколько ранее рассказа об этом эпизоде у Макария и Филарета можно обнаружить рассказ об уцелевшем в огне Евангелии, брошенном туда проповедником с целью убеждения язычников²⁶ *Других фактов прямого проявления сверхъестественных сил при обращении языческих племен в христианство авторы не приводят*

Оба церковных историка не обошли молчанием проблемы о причинах долгого противостояния язычества и христианства, продолжавшегося в течение целых столетий после официальной христианизации Руси Если Филарет главную и едва ли не единственную причину усматривает в слабости поврежденной грехом человеческой природы, склонной к удовлетворению чувственных страстей и, следовательно, к забвению о Боге, то Макарий, не отрицая этого фактора, дополняет его влиянием вполне земных и поддающихся рациональной оценке причин, как то неизбежно замедленное ввиду обширных пространств распространение реального влияния и сферы действенного контроля Церкви, столь же неизбежную в этих условиях нехватку духовенства и его весьма низкий уровень образованности, поскольку на Руси вообще уровень развития образования оценивался Макарием как невысокий По этому поводу Макарий даже оспаривает такое ставшее стереотипным мнение, что монгольское нашествие послужило главным тормозом для развития образования и просвещения в России, обосновывая свою мысль тем, что даже в тех русских землях которые не были затронуты нашествием и игом, а также последующими набегами (например, Новгород, Смоленск) не наблюдалось

²⁵ Кривушин И В Ранневизантийская церковная историография СПб 1998

²⁶ Архиепископ Филарет (Гумилевский) Указ соч С 18 Митрополит Макарий (Булгаков) Указ соч С 198

существенного различия в уровне образованности до и после нашествия в сравнении с разорёнными землями. По мнению Макария, главной причиной такого положения было отсутствие у русского народа вообще и у духовенства, в частности, отчетливо выраженной внутренней потребности в развитии наук, к этому же добавлялось нерадивость значительной части духовенства о должном укреплении христианского благочестия в народе, что и создавало, в конечном итоге, питательную среду для сохранения многих языческих пережитков даже полтысячелетие спустя после Крещения Руси²⁷

Тем не менее, общая ситуация оценивается Филаретом и Макарием как безусловно выигрышная для Православия и считавших окончательное поражение язычества лишь вопросом времени. Такая неоднократно высказываемая по ряду поводов убежденность свидетельствует о преобладании в историческом мировоззрении церковных историков не циклического, а линейно-прогрессивного восприятия исторического процесса, хотя и применительно, главным образом, к духовной компоненте русской истории.

Резюмируя все, сказанное в данном параграфе, следует отметить, что архиеп Филарет и митр Макарий сконцентрировали своё внимание на следующих аспектах взаимоотношений язычества и христианства: 1) временная продолжительность контактов, 2) видоизменение форм взаимодействия в зависимости от соотношения сил, 3) роль субъективного фактора в успехах Православия, 4) формы и накал языческой оппозиции, 5) сходства и отличия в процессах утверждения христианства у различных народов России, 6) борьба Церкви с языческими пережитками.

Хотя рассмотрение христианско-языческого противостояния осуществляется не единым разделом, с привязкой к периодам общей истории Русской Церкви, однако, в целом, соблюдается историческая непрерывность в освещении данного вопроса. В конечном итоге, можно сказать, что история отношений Православия и язычества в освещении классиков русской церковной историографии совпадает с историей пространственного

²⁷ Митрополит Макарий (Булгаков) Указ соч. Т. III. С. 305-306

расширения Русской Православной Церкви и. одновременно, с историей постепенного закрепления христианских догматов и нравственных императивов в массовом сознании

Второй параграф второй главы анализирует освещение взаимоотношений Православия с исламом и иудаизмом в исторических трудах архиепископа Филарета и митрополита Макария

В отличие от язычества, взаимоотношения и неизбежная борьба с которым были константой исторического бытия Русской Церкви на протяжении столетий, составляя, фактически, часть ее внутренней истории, контакты Православия с исламом и иудаизмом в истории России и Русской Церкви носили, в значительной степени, внешний и менее стабильный характер, поскольку являлись взаимоотношениями с иными цивилизационными образованиями. Соответственно, в силу исторически сложившейся неравномерности этих отношений в различные эпохи, разной их интенсивности они не получили столь же однозначного и подробного отображения в церковной историографии, как мы могли это наблюдать в случае с язычеством. Описание и анализ взаимоотношений Русской Церкви с двумя другими, кроме христианства, монотеистическими религиями, носят, по этой причине, весьма дискретный характер. Отсюда закономерным выглядит и гораздо меньший объем материала, посвященного этой проблеме в исторических трудах архиеп Филарета и митр Макария

Можно указать на несколько важных моментов, характеризующих концептуальный подход церковной историографии по проблемам православно-исламских и православно-иуданских взаимоотношений в истории России и Русской Православной Церкви

Во-первых, это явное стремление авторов освободить тексты своих исторических трудов от примеси национальных симпатий и антипатий – речь везде идет именно об отношениях конфессий а не национальностей

Во-вторых, при общем взгляде на нехристианские монотеистические вероисповедания как на безусловные отступления от Истины мы не найдём в

трудах исследуемых авторов никакого нарочитого стремления опорочить иудаизм и ислам тенденциозным подбором вырванных из контекста исторической реальности фактов. Все приводимые примеры конфликтных ситуаций касаются внешних взаимоотношений религий, а не их сокровенной сущности. Единственным исключением можно считать замечание архиепископа Филарета о большей чувственной направленности ислама по сравнению с Православием²⁸, в более сдержанных выражениях поддерживаемое и митрополитом Макарием, но и в этом случае неправомерно говорить о проявлениях субъективной авторской неприязни, поскольку имелся в виду лишь один совершенно очевидный момент – разрешение полигамных браков в Коране.

В-третьих, можно говорить о значительной неравномерности в распределении исторического материала при сравнении того, как описываются контакты Православия с исламом и с иудаизмом. Последнему уделено гораздо меньшее внимание, так что его можно считать отрывочным и приводящим к мысли о том, что, за исключением некоторых исторических моментов, контакты РПЦ с иудаизмом не носили, по мнению церковных историков, определяющего значения для общей конфессиональной ситуации на протяжении большей части истории России.

В-четвертых, оба автора прибегают к обильному цитированию первоисточников для подтверждения и иллюстрации высказываемых тезисов, что позволяет говорить об их стремлении к сохранению объективности в своих исследованиях, несмотря на все констатируемые различия и даже догматический антагонизм Православия с мусульманством и иудаизмом.

В-пятых, большое значение придается личностному фактору: поименно перечисляются татарские мурзы, переходившие из ислама в Православие, упомянут даже единственный монах-отступник, принявший ислам, высоко оценивается роль Казанского архиепископа Гурия в деле распространения

²⁸ Архиепископ Филарет (Гумилевский) Указ соч. С. 24. Митрополит Макарий (Булгаков) Указ соч. Т. I. С. 194.

христианства среди мусульманского населения Поволжья во второй половине XVIв и т п Т е, объективация исторического материала для церковных историков отнюдь не тождественна его жесткой детерминации и обезличиванию В этой связи необходимо упомянуть и о том, что оба автора единодушно усматривают в историческом процессе явное действие Божественного Промысла вообще и о судьбах России и Православия в особенности, чем объясняется включение в повествование целого ряда примеров о чудесах, интерпретируемых как неотъемлемая часть исторической действительности без уклонения в экзальтацию, с одной стороны, и без позитивистского максимализма – с другой

При всем этом можно, в качестве существенного отличия у двух авторов указать на гораздо большую, по сравнению с Макарием, эмоциональность повествования у Филарета, его смелость в обобщениях и высказываемых оценках, большее доверие к собственным умозаключениям, тогда как у Макария мы наблюдаем стремление обосновать собственную позицию как можно большим количеством источников

В целом же оправданно говорить о том, что на основании трудов митр. Макария и архиеп Филарета можно составить достаточное представление о внешней стороне многовековых взаимоотношений Православия с исламом и иудаизмом, представляющими у обоих авторов сложными, порой конфликтными, но никогда – патологически враждебными

Третий параграф настоящей главы посвящен рассмотрению православно-католических и православно-протестантских отношений в той их интерпретации, какая содержится в работах церковных историков .

внимание и объём, уделяемое этой проблематике в отечественной церковной историографии, также превосходят собою то внимание, которое уделено церковными историками отношениям с иными конфессиями, что проявляется в значительно большем количестве фактологического, персоналистического, источниковедческого материала В силу такого обилия сообщаемые авторами исторические сведения и интерпретации событий

целесообразно анализировать, сконцентрировав наше внимание на ключевых проблемах, выделяемых в исторических исследованиях, что позволит избежать хаотизации в данном разделе работы

К числу наиболее существенных вопросов истории взаимоотношений РПЦ с католичеством и протестантизмом, выделяемых в церковной историографии, относятся следующие

- 1) вопрос о начале контактов Русской Церкви с каждой из христианских номинаций,
- 2) общая периодизация истории взаимоотношений с западными вероисповеданиями,
- 3) основные формы и оценки самого характера этих взаимоотношений,
- 4) вопрос о церковной Унии, ее введении, последствиях и о способах противостояния попыткам католической и протестантской экспансии,
- 5) различия в положении Православия в западных и северо-восточных русских землях,
- 6) важнейшие персонажи в длительном процессе православно-католических и православно-протестантских отношений

По ходу научного анализа взаимоотношений Православия и католичества церковные историки выявили ряд специфических особенностей этих контактов, присущих только им и не отмечаемых при описании православно-языческих, православно-исламских или православно-иудаистских отношений

Первой такой особенностью являлась отмеченная обоими авторами более резкая антагонистичность межконфессиональных контактов по сравнению с другими конфессиями. Причем, накал противоречий с течением времени от момента Схизмы 1054г не уменьшался, а возрастал, чего не отмечается в церковной историографии в отношениях с язычеством

В качестве второй особенности Филарет и Макарий отмечают непрерывный и систематический характер православно-католических контактов в истории Русской Церкви – начиная с середины XI столетия, страны с господством католической церкви были постоянными соседями Руси, кроме

того, католические миссионеры, согласно церковным историкам, в течение всего периода православно-католических отношений в X – XVIвв не прекращали попыток распространения католицизма в русских землях. Этим, в значительной степени, историки и объясняют жестко-конфронтационный характер отношений Православной и католической церквей. Эта точка зрения российской церковной историографии представляется важной по той причине, что во многих исторических публикациях в качестве главной причины конфронтации указываются догматические расхождения двух основных христианских номинаций. Между тем, если следовать историческим оценкам Филарета и Макария, проблема заключалась, прежде всего, в политике – в непрерывных попытках католической экспансии в земли православного ареала.²⁹ Следуя логике церковной историографии, можно заключить, что отношения католицизма и Православия были бы гораздо менее конфронтационными, не будь этих попыток. Данный вывод, делаемый на основе богатого фактического материала, приводимого церковными историками, представляется немаловажным в условиях современного межконфессионального диалога на пространстве СНГ и, в частности, современных православно-католических отношений.

Наряду со сходствами, во взглядах церковных историков на православно-католические отношения присутствуют существенные различия. Если Филарет более склонен к апологетизации деятельности православного духовенства при столкновениях с католицизмом, то Макарий более сдержанно, а порой и критически оценивает некоторые действия православных иерархов. Особенно это проявляется при оценке причин Брестской Унии 1596г, прямыми виновниками которой Макарий склонен наряду с иезуитами считать некоторых православных епископов, своей двойственной политикой сделавших возможной Унию.³⁰ Ещё одним отличием является неодинаковый подход к анализу и оценке личностного фактора митр Макарий (Булгаков) уделяет

²⁹ Архиепископ Филарет (Гумилевский) Указ соч. С. 70

³⁰ Митрополит Макарий (Булгаков) Указ соч. Т. V. С. 372

большее внимание вкладу конкретных личностей в процесс православно-католических отношений, тогда как у Филарета (Гумилевского) исторический процесс предстает более обезличенным и объективированным

В конце данного параграфа рассмотрена интерпретация взаимоотношений Православия с протестантизмом в трудах Филарета и Макария. Приводимые в их трудах данные о взаимоотношениях Православия и протестантизма представляют собой тем большую научную значимость, что в исторических трудах светских историков им уделяется гораздо меньшее внимание по сравнению с православно-католическими взаимоотношениями. Следовательно, благодаря церковной историографии может быть заполнена существенная лакуна в наших представлениях об истории контактов Русской Православной Церкви с западно-христианскими вероисповеданиями, равно как о сущности, характере и отличительных особенностях этих контактов – в данном случае о различиях во взаимоотношениях Русской Церкви с католичеством и протестантизмом.

По единодушному взгляду обоих названных церковных историков главной зоной православно-протестантских контактов в 16в стали области Литовской (Западно-Русской) митрополии, т е те русские земли, которые находились в составе Великого княжества Литовского и Польши, куда, согласно используемым автором источникам, протестантизм проникло уже в первой половине 16-го в со стороны своей первоначальной родины – из Германии.

В отличие от Макария, Филарет не уделяет серьезного внимания различиям между отдельными ветвями протестантизма, ограничиваясь только их перечислением и не вдаваясь даже в поверхностный богословско-догматический анализ, так что не всегда ясно, какое из направлений протестантизма представляло для Православия большую угрозу. В целом, достаточно очевидно, что архиеп Филарет, давая обобщенную картину взаимоотношений Православия и протестантизма в Литве и Польше, склонен занижать остроту их конфликта, равно как и степень опасности

протестантского прозелитизма для православного русского населения. Однако же Филарет и Макарий проявляют полное согласие при рассмотрении вопроса о столкновении Православия с протестантизмом на территории Московского государства, где он стал известен в правление Ивана Грозного. По единодушному мнению церковных историков, протестантизм в Москве первоначально был воспринят гораздо более спокойно, нежели католичество и не представлял никакой серьезной угрозы для Православия.³¹ При этом митр Макарий более выпукло показывает процесс постепенного ухудшения отношения царя к протестантам. Если Филарет ограничивается лишь упоминанием о побоях и репрессиях в отношении некоторых из протестантов, то Макарий приводит более конкретизированные факты.³² В целом же у митр Макария мы видим и общую оценку православно-протестантских отношений более резкой: он считает, что протестантизм, будучи одинаковым врагом для Православия и католицизма, серьезно ослабил первое в критический для него момент, когда духовно-нравственное состояние православного духовенства в Литве и Польше и без того оставляло желать лучшего, тогда как на пороге стояла борьба с новым врагом – орденом иезуитов, ставшим в ближайшем будущем главной ударной силой Римского Папы в борьбе за утверждение его власти и насаждения Унии в Речи Посполитой, между тем как влияние протестантизма способствовало отходу от Православия многих представителей образованного слоя – шляхты.³³

Обобщая все суждения и выводы архиеп Филарета и митр Макария о православно-протестантских взаимоотношениях в 16в, следует еще раз подчеркнуть различие между двумя авторами: если Филарет склонен к обобщениям и некоторой апологетизации Православия, то Макарий не только более подробен и конкретен, но и, в большей по сравнению с Филаретом степени, критичен и объективен. Также по-разному оцениваются последствия распространения протестантизма в Польше и Литве. Вместе с тем, наблюдается

³¹ Архиепископ Филарет (Гумилевский) Указ соч. С. 384. Митрополит Макарий (Булгаков) Указ соч. Т. V. С. 185.

³² Митрополит Макарий (Булгаков) Указ соч. Т. V. С. 186.

³³ Там же С. 188.

определенное сходство в описании характера православно-протестантских отношений, изменявшихся с течением времени оба автора, подчеркивая противоположность догматики, вполне закономерно считают политическое сближение столь разных по духу исповеданий, вызванное усилением католического давления. Причем, у Филарета этот момент прослеживается и для 17-го в и вообще ему уделяется большее внимание³⁵

В заключение можно сказать, что, при всех различиях труды Филарета и Макария сходны между собой в общей оценке характера протестантизма и могут служить ценными дополнениями друг к другу, позволяя составить более полное представление об освещаемой проблеме в истории межконфессиональных отношений

Православно-протестантскими отношениями завершается глава 2 и основная часть диссертации в целом

Заключение посвящено подведению итогов диссертационного исследования, что позволило сделать выводы относительно решения исследовательских задач и достижения поставленных в начале работы целей

Важным выводом, который можно сделать на основе проделанной в процессе исследования работы, является спорность противопоставления светской и церковной историографии, что позволяет в будущем рассчитывать на плодотворность синтеза двух отраслей российской исторической науки

Положения и идеи диссертации нашли отражение в следующих публикациях

1 Ларионов А. Э. «Становление церковной историографии в России»/сборник Ломоносовских чтений 2003г - М, 2004г – 0,25 п л

2 Ларионов А. Э. «Церковное образование в допетровской Руси в освещении церковной историографии XIXв»/Научные труды международной научно-практической конференции ученых МАДИ, МСХА, ЛНАУ 5 – 6 января 2004г – М, 2004г – 0,25 п л

3 Ларионов А Э «Брестская Уния в русской церковной историографии XIXв /сборник «История и культура», - М , 2005г – 0,25 п л

4 Ларионов А Э «Протестантизм в православном мире взгляд церковных историков»//Мир культуры история и современность Сборник научных статей М , 2006г – 0,3 п л

в том числе статья, опубликованная согласно обязательному перечню ведущих рецензируемых научных изданий президиума ВАК Министерства образования и науки РФ

Ларионов А Э «Взаимоотношения Православия и протестантизма в XVIв в освещении русской церковной историографии»/Вестник РУДН, серия История России, специальный выпуск №1/2007г – М , 2007г – 0,3 п л

Общий объем работ – 1,3 п л

Аннотация

Диссертация посвящена анализу исторических воззрений русских церковных историков XIXв архиепископа Филарета (Гумилевского) и митрополита Макария (Булгакова) на проблемы развития межконфессиональных отношений в истории России и Русской Православной Церкви с X по XVIвв включительно

В условиях возрастания роли религии в современном обществе изучение межконфессиональных отношений, в т ч в историографическом аспекте, приобретает особую актуальность

В диссертационном исследовании изучены процесс становления церковной историографии в России, а также особенности научных взглядов и методов ведущих церковных историков по вопросам истории межконфессиональных отношений В работе предпринята попытка выявить общие и особенные черты в научных взглядах церковных историков, определив, по возможности, специфические особенности церковной

историографии как самостоятельного направления в исторической науке России середины – второй половины XIX в

Annotation

The subject of this dissertation is the analyses of the historical views of the Russian church – historians of the XIX century – archbishop Filaret (Gumilevsky) and metropolitan Makarij (Bulgakov) on the problems in development of inter-confessional relations in the history of Russia and the Russian orthodox church since X till XVI century

Due to increasing role of religion in the present day society the study of the inter-confessional relations (including historiographical aspect) becomes actual

The process of formation of the church-historiography in Russia as well as the particular features of scientific views and methods of the leading church historians regarding the history of inter-confessional relations were studied in this investigation. Here was made an attempt to discover general and particular features in the scientific opinions of the church historians determining the specific features of the church-historiography as an independent tendency in the historical science of Russia in the second part of the XIX century

Ларионов Алексей Эдиславович

МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – XVI вв
В ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ РОССИИ
СЕРЕДИНЫ – ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX вв
*(по трудам архиепископа Филарета (Гумилевского) и
митрополита Макария (Булгакова))*

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Сдано в производство 25 09 2007 Тираж 100 экз
Объем 2,0 п л Формат 60x84/16 Изд № 207 Заказ 207

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Московский государственный университет сервиса»
141221, Московская обл , Пушкинский р-он, пос Черкизово,
ул Главная, 99